

Малюченко Г.Н.

**МЕТОДИКА «СЛИР (БВ)»:
СОПРОВОЖДЕНИЕ
ЛИЧНОСТНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ
В РЕАДАПТАЦИИ
БОЕВОГО ВЕТЕРАНА**

Учебно-методическое пособие

Саратов, 2025

УДК 159.9

ББК 88.3

Малиоценко Г.Н. Методика «СЛИР (БВ)»: Сопровождение личностных изменений в реадаптации боевого ветерана

ISBN

В учебно-методическом пособии последовательно раскрыты общая структура и содержание стимульных материалов методики СЛИР (БВ), направленной на сопровождение личностных изменений в реадаптации боевого ветерана. Поэтапно представлен научно-практический опыт её разработки, включая теоретико-методологическое обоснование и результаты первичной апробации.

Рецензенты:

Доктор психологических наук, профессор Г.В. Грачёв

Доктор психологических наук, профессор С..В. Фролова

УДК 159.9

ББК 88.3

ISBN

Оглавление

Введение в проблематику разработки методики СЛИР (БВ)

Глава 1. Этапы и результаты разработки методики СЛИР: от теоретических оснований к конструктивным элементам и первичной апробации

- 1.1 Разработка концептуальных оснований методики СЛИР
- 1.2 Проектирование и разработка конструктивных элементов методики СЛИР
- 1.3 Разработка конструктивных элементов методики СЛИР
- 1.4 Первая апробация пилотных вариантов методики СЛИР

Глава 2. Структура и порядок применения стимульного материала методики

Введение в описание общей структуры методики

- 2.1 Описание карт первого взвода, включая возможные обстоятельства и ситуации кризисной реадаптации
- 2.2 Описание карт второго взвода с возможными комментариями специалиста к стратегиям выхода из кризисных ситуаций
- 2.3 Пошаговая инструкция для специалистов по применению методики СЛИР (БВ)

Глава 3. Концептуальные аспекты методики СЛИР, отражающие возможности её применения

- 3.1 Проблемы поиска новой идентичности их решение в процессе реадаптации УБД
- 3.2 Возможности применения методики СЛИР в контексте синдромного анализа клинической психологии
- 3.3 Применение системного психологического подхода к разработке программ психологической реадаптации УБД.

Заключение

Вопросы для проверки полученных знаний

Научные источники

Приложение 1. Бланк обработки данных по картам «первого взвода»

Приложение 2. Бланк обработки данных по картам «второго взвода»

Введение в проблематику разработки методики СЛИР(БВ)

На фоне кардинальных политических и социально-экономических изменений, происходящих в российском обществе с начала 2022 года, следует особо выделить такой важный процесс как возрастание общего количества участников боевых действий (далее УБД), в том числе тех, кто возвращается в мирную гражданскую жизнь. Отечественной науке еще предстоит должным образом исследовать данный процесс. Однако, уже проведённые исследования показывают, что не менее 60 % УБД, возвращаясь в свои дома, испытывают сложный комплекс психоэмоциональных состояний и коммуникативных барьеров, который в научном сообществе определяется как «кризис реадаптации» (Кааяни, 2023).

Как отмечает в своих публикациях профессор А.Г. Кааяни, участники боевых действий, переживающие кризис реадаптации «*в зависимости от уровня социальной поддержки могут пополнять и группу с ПТСР, и группу с ПТР или могут демонстрировать нейтральные психологические последствия*» (Кааяни, 2023). Как следствие, уровень социальной поддержки УБД самым непосредственным образом влияет на динамику посттравматических стрессовых расстройств у участников боевых действий. Это означает, что создание эффективной и оперативно действующей системы сопровождения социально-психологической реадаптации боевых ветеранов является особым вызовом и важнейшей профессиональной задачей для всей отечественной науки и практики.

К настоящему времени и в мировой науке накоплено достаточно теоретических исследований и эмпирических доказательств тесной связи между динамикой посттравматических стрессовых расстройств (включая «боевое ПТСР») и успешностью реадаптации участников боевых действий (УБД). Так, например, директор Центра психического здоровья «Стресс», (Ереван, Армения) доктор С.Г. Сукиасян в своей статье посвящённой анализу результатов длительного (с 1989 по 2007 гг.) исследования посттравматических расстройств у УБД прямо указывает, что «существенной особенностью этих нарушений является их развитие на неблагоприятной социальной почве» (Сукиасян, 2009). Иными словами, накопленные клинические данные по посттравматической динамике, по сути, непосредственно свидетельствуют о её тесной связи с успешностью адаптации УБД к мирной жизни и «гражданскому» окружению.

В работах российских авторов также отмечается и обратная связь, а именно: восстановление психики УБД после пережитых боевых стрес-

сов или психотравм, находит отражение в повышении адаптивности человека к условиям мирной гражданской жизни. У него возрождаются: доверие к людям и миру, уверенность в себе, оптимизм и прилив энергии, способность строить проекты будущей мирной жизни, интерес к прежним увлечениям и межличностным отношениям. Его воспоминания о тяжёлых событиях становятся менее травмирующими и больше не вызывают аффективных реакций, то есть они интегрируются в жизненный опыт и воспринимаются как часть прошлого, не мешающая получать радость от мирной жизни (Кадыров, Венгер, 2021; Васильева, 2022).

Однако, при неблагоприятных сценариях реадаптации УБД, общая симптоматика ПТСР или иных болезненных расстройств психики может оставаться даже после исчезновения классической клинической картины данных заболеваний. Как следствие, следует признать: *как успешность лечения влияет на социальную адаптивность УБД, так и позитивные сценарии реадаптации в свою очередь существенно влияют на динамику протекания многих психических расстройств*, снижая выраженность таких симптомов как: тревожно-депрессивные состояния, аддиктивное поведение, социофобия, импульсивность или немотивированная агрессия. Иными словами, в зависимости от качества психологической помощи, оказываемой участникам боевых действий, они демонстрируют различный уровень успешности реадаптации, что, в свою очередь, влияет на динамику протекания ПТСР и вероятность возникновения у них посттравматического личностного роста (Simon, 2019).

Конечно, сценарии постбоевой жизни УБД во многом зависят от «довоенного» уровня их социальной адаптивности и личностной зрелости. Тем не менее, даже личностно зрелые боевые ветераны могут нуждаться в программах социально-психологического сопровождения. Однако, для их реализации требуется не только подключение широкого круга специалистов, но и разработка специальных психологических методик как инструментов, обеспечивающих успешность усилий по запуску конструктивных сценариев возвращения УБД в мирную жизнь.

В начале 2023 года нами был начат процесс научно-практической разработки методики СЛИР (БВ) - «Сопровождение личностных изменений в реадаптации (боевых ветеранов)». Ниже представлены этапы и результаты разработки и первичной апробации данной методики, исходно проектируемой как комплексный инструмент для психологов - практиков, совмещающий выполнение диагностических функций и корректирующего сопровождения личностных изменений ветеранов боевых действий.

Глава 1. Этапы и результаты разработки методики СЛИР: от теоретических оснований к конструктивным элементам и первичной апробации.

1.1 Разработка концептуальных оснований методики СЛИР

В процессе поиска наиболее релевантного теоретического основания методики СЛИР как инновационной научно-практической разработки была проведена объёмная предварительная работа, включающая анализ данных, полученных в ходе консультирования УБД и членов их семей, результатов проведения интервизорских групп для военных психологов (из различных подразделений Росгвардии и МО) и специалистов общественно-патриотических организаций, занятых сопровождением реадаптации ветеранов боевых действий.

Обобщение всего массива полученных аналитических материалов позволило нам определить психологические теории и концепции, обеспечивающие наиболее релевантное понятийное поле и эвристику для достижения указанной выше задачи:

- **общепсихологическая теория установки**, созданная *Д.Н. Узнадзе*, раскрывающая психологические механизмы формирования бессознательной готовности человека к определённым формам реагирования на внешние ситуации и обстоятельства;

- **диспозиционная теория личности**, разработанная классиком мировой психологии *Г. Олпортом*, который видел в каждой личности уникальный набор диспозиций (предрасположенностей), определяющих её поведение в различных ситуациях;

- **диспозиционная концепция регуляции (саморегуляции) социального поведения** отечественного учёного *В.А. Ядова*, позволяющая через многоуровневую модель психики и поведения, объединить две вышестоящие теории, что нашло отражение в структуре методики СЛИР.

Необходимо также отметить, что поиск и отбор теоретических оснований методики СЛИР **проводился в русле системного подхода** к пониманию психических процессов и состояний, а также социально-психологических феноменов. Это означает соответствующий подход к пониманию условий и факторов, сопутствующих как прямому участию человека в боевых действиях, так и его реадаптации к мирной жизни. Так, нами были использованы следующие **положения системного подхода**, изложенные в научных трудах Б.Ф. Ломова и его коллег (Ломов, 1984):

- как межличностные взаимодействия, так и интрапсихические процессы, следует понимать в контексте общего функционирования социальных систем, а значит строить их диагностику и коррекцию на основе принципа «обратной связи»;

- ни одна социальная система (или группа) не сводится к сумме её отдельных элементов, т.к. состоит из более или менее активных субъектов, выполняющих свою роль и/или функцию и, тем самым, влияющих на её структуру и динамику развития;

- поведение человека зависит от специфики отношений и интеракций присутствующей в различных системах, таких как семья, род, организация, сообщества и даже государство, а значит: изменения эту специфику, мы можем влиять на его поведение;

- все психические состояния и социально-психологические явления следует изучать как многоуровневой систему, элементы которой приобретают новые свойства, задаваемые её целостной структурой и динамикой её функционирования (Ломов, 1984).

В контексте указанных выше теорий и положений системного подхода было определено *функциональное назначение методики СЛИР*: диагностика личностных диспозиций боевых ветеранов, а также их последующая поэтапная коррекция через создание условий, запускающих конструктивное изменение восприятия проблемных ситуаций и развитие умений осознанного поведения.

Ниже более подробно рассмотрены концептуальные построения, созданные авторами указанных теорий и имеющие важное значение для понимания общей логики разработки методики СЛИР,

Как известно, в контексте общепсихологической теории, разработанной Д. Н. Узнадзе, установка понимается как *целостное состояние субъекта, выраженное в бессознательной готовности к определённым действиям в заданных обстоятельствах*. Согласно экспериментальным данным, полученным Д. Узнадзе и его учениками, установка определяется как *субъективными, «внутренними» компонентами* (актуальная потребность, прошлый опыт, индивидуальные особенности и т.п.), так и вполне *объективными «внешними» - выраженными в конкретных условиях и ситуациях*.

Исследуя процессы формирования установок, Узнадзе и его коллеги выделили 4-ре типологические диады: *лабильная / стабильная; статичная / динамическая; константная / вариабельная; жёсткая / пластичная*. Несколько забегая вперёд, следует заметить, что данные,

полученные в ходе апробации методики, показали, что *кризис реадаптации УБД* представляет собой *психологический феномен, возникающий на фоне автоматического срабатывания в ситуациях мирной жизни статичных, жестких и фиксированных (константных) установок, сформированных в условиях боевой жизни.*

В ракурсе разработки методики СЛИР особое значение имеет тот факт, что *в теории Узнадзе детально представлены психологические условия, создающие возможности для целенаправленного изменения ранее сформированных установок.* Так, в его научных трудах дано описание психологического механизма «объективации», направленного на замену «старых» установок человека через когнитивную перестройку и волевые акты принятия решения. Посредством объективации происходит переоценка прежней установки и создание новой установки на основе произвольного поведения. Согласно теории Узнадзе, для возникновения любой установки необходимо наличие, как минимум, двух условий: потребности в чём - либо и ситуации её многократного удовлетворения. Однако, *при кардинальном изменении внешних условий, либо внутренних мотивов деятельности субъекта, создаётся своего рода «окно возможностей» для отказа от старой и создания новой установки.* При этом субъект начинает осознанно воссоздавать условия, ведущие к закреплению новой установки. Постепенно новая установка закрепляется в его поведении, становится фиксированной, что освобождает человека от необходимости снова «совершать выбор» и произвольно контролировать свои действия в стандартных ситуациях и при любых привычных условиях (Узнадзе, 2004).

Многие УБД, при всём их понимании необходимости перестройки поведения в соответствии с требованиями мирной гражданской жизни, сталкиваются с невозможностью самостоятельного изменения своих автоматических реакций на те или иные внешние раздражители. Как следствие, разработка методики СЛИР была направлена на определение *ключевых условий, целенаправленно способствующих объективации старых установок, препятствующих успешной реадаптации УБД.* Было подробно изучено, каким образом механизм объективации приводит к замене уже отживших, «не работающих» установок через перестройку когнитивных процессов и волевые акты принятия решений. В частности, было установлено как, начинаясь с пересмотра старой установки, этот процесс завершается её заменой. При этом также было учтён тот факт, что новая установка (прежде чем, она станет автоматической и бессознательно срабатывающей) первоначально требует многократной апробации и подкрепления (Узнадзе, 2004).

В большинстве случаев процесс смены установки происходит под давлением обстоятельств. Например, при резком изменении внешних условий жизни человека или внешних факторов, влияющих на качество его жизни, возникает психологический кризис, выраженный в «невозможности жить по-старому». Этот кризис и приводит к переоценке некогда полезных, но ныне препятствующих развитию личности установок. Однако для УБД процесс смены установок осложнён тем, что их «боевые привычки» имели критически важное значение для выживания и формировались в экстремальных условиях. Для более глубокого понимания проблем, возникающих под влиянием таких установок, перечислим некоторые, из наиболее типичных «боевых привычек»:

- **автоматическое повышение контроля действий малознакомых людей** во всех ситуациях или обстоятельствах, имеющих высокую степень неопределённости;

- **автоматическое разделение окружающих на «своих» и «чужих»**, т.к. «своим» всегда можно доверять, а мысли и намерения «чужих» далеко не всегда ясны;

- **автоматическое проявление настороженности**, допускающее быстрый переход к «подавлению» субъективно подозрительных или «непонятных» действий окружающих, включая чиновников, соседей, попутчиков и т.п.;

- **стремление к волевому «продавливанию» желаемых сценариев развития** субъективно значимых (или сверхценных) отношений, без прогноза всех возможных исходов;

- **автоматическое повышение тревоги и реактивного поведения** при появлении резких звуков, попадании в разрушенные строения, в ситуации нагромождения хлама и т.п.;

- **стремление к оперативному принятию «проясняющих» решений** во всех ситуациях, отличающихся высокими рисками непрогнозируемого развития событий;

- **автоматический поиск «выигрышной» позиции** при общении с субъективно неприятными или интуитивно не понятными людьми;

- **стремление к контролю действий окружающих людей** при возникновении «потенциально опасных» или конфликтных ситуаций;

Поскольку обозначенные установки в условиях боевых действий формируются и закрепляются на самых глубинных - бессознательных слоях психики, это препятствует переходу боевых ветеранов на новые формы поведения. Как следствие, им требуется значительно больше времени и усилий для выработки закрепления новой установки, а значит и

более адаптивных форм поведения. Однако, специалист может ускорять запуск механизма объективации в отношении установок, препятствующих успешной реадаптации, а также ускорять выработку и закрепление новых установок в структуре поведения боевого ветерана. Конечно, старые «боевые» установки не исчезают полностью, но они постепенно «уходят в фон» как неактуальные в новых условиях. При этом следует отметить, что полная перестройка поведения возможна только при условии полной «перезагрузки» психики и достижении личностной зрелости, что требует значительных усилий как от специалистов, так и, прежде всего, самого боевого ветерана в течение продолжительного времени. Для оптимизации эти усилий и создавалась методика СЛИР.

Экспериментальные исследования установок оказали прямое влияние на появление понятия «диспозиция» - то есть предрасположенность. Для отдельных авторов диспозиции находят выражение через личностные смыслы и ценности (Леонтьев, 2003). Многие авторы также трактуют диспозиции как сложные личностные образования, тесно связанные не только со смыслами, но и мотивами деятельности, профессиональными стратегиями и целями (Абакумова, Савченко, 2008).

Как известно, в начале 60-х годов XX столетия свою теорию личности, основанную на понятии «диспозиция», выдвинул американский психолог **Г. Олпорт**. В его научных публикациях часто подчёркивается мысль о том, что те или иные «личностные черты» обязательно проявятся как «предрасположенности» (то есть диспозиции) во всех ситуациях социального взаимодействия (Олпорт, 2002). Структура личности, согласно воззрениям Олпорта, может быть описана через диспозиции, определяющие все варианты её поведения. Такого рода диспозиции разделяются им на три типа:

Тенденции - индивидуальные предрасположенности к определённым видам деятельности или типам мышления. Например, человек имеет тенденцию к творчеству, и он всю жизнь будет стремиться создавать новые идеи и проекты;

Черты - устойчивые предрасположенности, отражающие основные характеристики личности. Например, личностная автономность это - черта, которая характеризует человека как достаточно самостоятельную личность, высоко ценящую свою свободу.

Способности – индивидуальные предрасположенности, отражающие задатки и быструю обучаемость в определённой сфере деятельности. Например, способность к освоению военных наук выражена через быструю адаптивность к боевым условиям.

В своих работах Олпорт отмечал, что, тесно взаимодействуя в структуре личности, диспозиции определяют все устойчивые формы её поведения (Олпорт, 2002). По масштабу влияния диспозиции на жизнь и деятельность личности им были выделены 3 типа:

- **кардиальные диспозиции**, встречаются, по мнению Олпорта у немногих и находят выражение через всепроникающую личностную черту, оказывающую влияние на всё поведение человека, его поступки и жизненные выборы во всех контекстах. Именно кардиальные диспозиции определяют уникальность и масштаб каждой личности;

- **центральные диспозиции**, выражены через такие общезначимые качества личности как доброта, приветливость, напористость, как правило проявляются в ограниченном спектре ситуаций. Они наиболее типичны для всех индивидов. И часто именно на их основе оценивается та или иная личность. Однако, Олпорт отмечал, незначительность числа таких диспозиций, оно колеблется от пяти до десяти;

- **вторичные диспозиции**, представляющие наименее заметные личностные черты. Как правило, они обобщены и согласованы. Это менее важные, но регулярно проявляющиеся индивидуальные характеристики. Данный тип диспозиций проявляется через бытовые привычки, предпочтения в еде, в одежде и т.п.

Следует отметить, что Олпорт, на протяжении всей своей научной деятельности, поддерживал *идею динамичного развития личности*. При этом он считал, что каждый человек уникален и потому имеет свой уникальный набор диспозиций.

В ракурсе разработки СЛИР (БВ) как комплексной методики психологического сопровождения УБД важно отметить, что **Олпорт отстаивал диалектическое единство идиографических и номотетических методов исследования личности**. Как известно, *идиографические методы* реализуются посредством применения психобиографических, проективных и подобных им методик, позволяющих создать глубокую и целостную картину уникальной личности. При этом она не сравнивается с другими по тем или иным категориям. *Номотехнические методы* дают возможность выявлять общие для всех людей закономерности развития, существования или взаимодействия. Как правило, они реализуются посредством стандартизованных методик, что позволяет специалистам проводить сравнение показателей индивидов по определенным категориям. При разработке методики СЛИР мы также стремились к *объединению двух указанных методов в целях получения более полной картины лич-*

ностных изменений, сочетающей с одной стороны некие уникальные выборы и субъективные описания ситуаций, а с другой - возможность численно определять общие показатели ситуативного восприятия, ролевой репертуар и гибкость поведения, оперируя (при оценке личностных изменений) такими универсальными понятиями, как копинг-стратегия.

Теория Г. Олпорта, предполагает возможность проведения диагностики личности по диспозициям, определяя тем самым и образ её жизни и общую направленность развития. В ней дано и многоуровневое описание личностных диспозиций. Однако, в ней нет описания их связанных в единой системе, нет объяснения соотношения их уровней. Данное «белое пятно» заполнил известный отечественный исследователь в области социологии и социальной психологии В.А Ядов, в трудах которого представлена иерархически выстроенная система диспозиций. В процессе своих научных изысканий, Ядов выделил 4-ре уровня диспозиций (как личностных установок или ориентаций):

1 уровень: *элементарные фиксированные установки*, выражающие готовность личности удовлетворять свои жизненно важные потребности в тепле, безопасности, пище и т.д.;

2 уровень: *ситуационные установки*, которые формируются на основе потребности личности в общении и взаимодействии в рамках повседневных обстоятельств;

3 уровень: *базовые (центральные) социальные установки*: определяющие общую направленность деятельности и интересов личности;

4 уровень: *ценностные личностные ориентации*: определяющие формирование как целей и смыслов жизни, так и основных средств, которые используются для того, чтобы их реализовать. Данный уровень, условно, можно назвать как «высшим диспозиционным».

Таким образом, многоуровневая система личностных диспозиций может включать установки различной направленности, начиная от «низших», связанных с реализацией базовых, физиологических потребностей и заканчивая «высшими», связанными с терминальными ценностями и жизненными смыслами. На каждом из 4-х уровней человек действует в «узком коридоре» неких значений и смыслов, реализуя потребности строго определённого уровня. То есть, те диспозиции, которые движут личностью на 4-м уровне, не могут быть обнаружены на 1-м уровне, и наоборот. Например: ценностные ориентации 30-летнего спортивного тренера (**4 уровень**) выражены в пропаганде спорта и ЗОЖ среди населения. И потому даже в выходной день, он провёл с подростками в парке беседу о вреде курения. Но когда в понедельник этому тренеру позвонил из больницы его старший брат и попросил завести два блока сигарет, то

он сделал это без колебаний. Его искренне желание нести в народ ценности ЗОЖ, не влияет на его отношения с братом (3 уровень).

Таким образом, в ракурсе разработки комплексной методики СЛИР особое значение приобретает концепция Ядова, в которой раскрываются диспозиционные уровни регуляции и саморегуляции поведения. В соответствии с данной концепцией в различных ситуациях социального взаимодействия человек более или менее осознанно и успешно регулирует своё поведение через личные выборы и ценности, опираясь, как на ранее сформированные установки, так и недавно приобретённые.

Следует отметить, что и Олпорт, и Ядов, в своих научных изысканиях учитывали влияние так называемого «парадокса Лапьера», открытого социальным психологом Ричардом Лапьером еще в 1934 году и означающий несоответствие между заявленными «когнитивными установками» и реально проявляемым поведением (поступками) в ситуациях «непосредственного выбора». В научных публикациях Ядова и его учеников объяснение данному парадоксу даётся в ракурсе созданной им диспозиционной концепции: случаи расхождения между заявленными ценностями и реальными поступками личности, связаны с тем, что ведущая роль в регуляции конкретной формы поведения принадлежала диспозиции иного, например, 1-го или 2-го уровня (Ядов, 1979).

Тем не менее, после того, как данный парадокс, признанный в социальных науках еще до середины XX века, стал известен широкой публике, многие «эксперты» начали выражать недоверие к любого рода социальным установкам. Однако, следует учитывать, что это недоверие оправдано только в отношении декларируемых установок. Что касается установок, которые возникают в экстремальных условиях у ветеранов боевых действий - они имеют несколько важных отличий от декларируемых социальных аттитюдов. Возникая и закрепляясь в экстремальных условиях, они приближены к целостным феноменам психофизиологического уровня, изучение которых долгое время оставалось в фокусе работ Узнадзе и представителей его научной школы (Норакидзе, 1989). Вместе с тем, при создании стимульного материала комплексной методики, направленной на диагностику и коррекцию поведения боевых ветеранов, были учтены и наиболее важные результаты многолетних экспериментов социальных психологов, в ходе которых была выделена универсальная *трёхчастная структура установки*, включающая:

a) аффективный компонент - проявляющийся при взаимодействии человека с неким чувственным образом;

б) поведенческий компонент - означающий бессознательную готовность к определённым автоматическим действиям;

в) когнитивный компонент - выраженный в субъективном понимании индивидом своей задачи/ роли/ миссии в той или иной ситуации.

Как следствие, стимульный материал методики СЛИР был выполнен в формате цветных сюжетных изображений, соединяющих все три названных компонента:

а) эмоционально окрашенные и интуитивно понятные образы мужчин, женщин и детей, переживающих разного рода радости и трудности, связанные с возвращением боевых ветеранов в мирную жизнь;

б) возможные варианты поведения боевых ветеранов в ситуациях общения и взаимодействия с ближайшим окружением, коллегами по работе или представителями различных государственных структур;

в) когнитивно - ориентирующие текстовые комментарии к изображённым сценам и сюжетам, сформулированные как «от первого лица», то есть от лица боевого ветерана, так и в виде неких надписей, табличек, указателей и т.п. Любые когнитивно-ориентирующие комментарии способствуют оптимизации понимания любого текста (изображения) и «наращиванию смыслов» в процессе его восприятия (Безрукова, 2016).

Обобщая работу по формированию теоретических основ методики, мы создали схему первых трёх «аналитико-синтетических» стадий психологического сопровождения боевых ветеранов. Ниже представлена данная схема:

Процесс разработки теоретических основ методики СЛИР и диагностического алгоритма в дальнейшем вывел нас на анализ и отбор наиболее подходящих конструктивных элементов методики. В ходе этой работы возникла идея создания дополнительного – «второго взвода» карт, в котором нашли отражение все наиболее важные для преодоления кризиса реадаптации копинг-стратегии.

Как показал первичный анализ эмпирических результатов консультирования УБД, для нейтрализации «боевых установок», вызывающих в них неконтролируемое реактивное поведение и тем самым препятствующих их успешной реадаптации, необходимо создавать условия для перехода боевых ветеранов в режим осознанного освоения ранее неизвестных им копинг-стратегий. Это достаточно сложный и порой болезненный процесс, поскольку он построен на замене деструктивного копинга конструктивным, но в итоге он позволяет решать значительную часть проблем, возникающих у УБД в процессе реадаптации.

Последний этап разработки теоретических основ методики проходил параллельно с созданием пилотного варианта психодиагностического инструментария. А его апробация в свою очередь дала возможность предельно скрупулёзно выявлять ситуативные реакции и диспозиции боевых ветеранов, для последующего их анализа и обобщения. Как следствие, уже пилотный вариант методики выступил в качестве исследовательского инструмента, дающего специалистам возможность проверки релевантности концептуальных построений, используемых в качестве теоретической основы методики. На наш взгляд, применение такого рода инструментов может приводить к созданию новых валидных методик, как подобных СЛИР, так и принципиально отличных, в том случае, если разрабатываемый к ним стимульный материал, позволяет с предельной экологичностью выстраивать научно-поисковую работу с представителями целевой группы.

1.2. Проектирование и разработка конструктивных элементов методики СЛИР

Ближе к завершению разработки теоретико-методологических оснований методики СЛИР начался процесс проектирования, разработки и апробации конструктивных компонентов данной методики. Данный процесс включал в себя три основных этапа.

На первом этапе проводился анализ уже существующих научно-практических разработок в сфере психодиагностики и коррекции. В рамках данного процесса проводился подбор подходящих конструктивных элементов для методики СЛИР из методик, созданных в предшествующие годы.

При этом основное внимание уделялось методам проективной диагностики, так как исходно нами была поставлена задача по разработке визуально акцентированного стимульного материала, построенного образах, оказывающих (уже в первые секунды их восприятия) позитивное впечатление на широкий круг представителей целевой группы - ветеранов боевых действий;

На втором этапе проходило непосредственное проектирование всех конструктивных элементов, составляющих общую структуру методики СЛИР, включая, прежде всего, выполнение сюжетных изображений, положенных в основу стимульного материала («карты 1-го взвода» и «карты 2-го взвода»). Большая часть конструктивных деталей была заимствована из ранее созданных психодиагностических методик, широко внедрённых в практику психологической работы, а меньшая часть выступила в качестве оригинальных авторских дополнений. При этом важно заметить, что заимствование отдельных конструктивных элементов и идей отнюдь не означает переход на иные научные позиции (например, на позицию психоанализа);

На третьем этапе проводилась апробация пилотных вариантов методики как в формате первичного психологического обследования, так и в ходе плановой сессионной консультативной работы с боевыми ветеранами. Основной задачей данного этапа выступали получение и оперативный анализ «обратной связи» от боевых ветеранов как представителей целевой группы для методики СЛИР. На данном этапе осуществлялась и корректировка её отдельных конструктивных элементов. При этом корректировка конструктивных элементов имела гибкий, адаптивный характер.

Подробно *раскрывая первый этап проектирования методики СЛИР* – следует уточнить, что он начался с выполнения преимущественно «технических» задач: поиска, анализа и подбора отдельных, наиболее удачных конструктивных элементов в ранее разработанных методиках. В течение всего 2023 года проводился отбор и анализ известных и широко апробированных методик, конструктивные особенности которых давали бы возможность повысить диагностический и коррекционный потенциал методики СЛИР. Наиболее продуктивной данная работа оказалась при детальном изучении и анализе научно-практических разработок трёх, известных своим вкладом в создание психодиагностических инструментов психологов-исследователей:

- **Генри Мюррея**, как одного из основоположников проективной диагностики и соавторов известной психодиагностической методики ТАТ (тематический апперцептивный тест) и одного из авторов первых т.н. «ситуационных тестов»;

- *Саула Розензвейга*, разработчика признанной в мировой науке теории фruстрации и «Теста рисуночной фрустрации», который исходно был им назван как полу-проективная методика «Картишно-фрустрационная проба»;
- *Хайнца Хекхаузена*, как одного из исследователей, творчески соединивших идеи гештальтпсихологии и проективной диагностики Г. Мюррея, что нашло отражение его авторской разработке – ориентированном на анализ типов мотивации тесте НТАТ.

Следует отметить, что указанные авторы не были ортодоксальными сторонниками классического психоанализа и активно заимствовали в свои разработки идеи из различных научных школ, поэтому созданные ими методики не могут быть отнесены к разряду сугубо психоаналитических.

Также были исследованы наиболее релевантные поставленным задачам (то есть построенные на применении визуально-ориентированного стимульного материала) научно-практические разработки отечественных психологов, такие как: методика «*Сюжеты картин*» (автор А. Глазова) или рисуночная методика «*Супергерой*» (автор А. Малахова). При этом следует отметить, что некоторые из широко известных психодиагностических методик (например, «*Тест Сонди*» или методика «*Пятна Роршаха*») были исходно исключены при отборе, как не подходящие по своему назначению и конструктивным особенностям для решения поставленных задач.

Ниже, с соблюдением примерной исторической хронологии, относительно подробно раскрыты результаты анализа научно – практических разработок трёх указанных авторов, а также полученные выводы, которые были использованы нами при конструировании стимульного материала и структуры комплексной методики СЛИР.

Теоретические исследования и прикладные научно-практические разработки Г. Мюррея и его учеников, породили несколько волн научных разработок, посвящённых проблематике выявления скрытых потребностей, ситуационных и мотивационных детерминант поведения. Как известно, Г. Мюррей положил начало такому методу как составление психологического портрета преступника (Offender profiling), который ныне широко применяется в юридической психологии и судебно-психологическом исследовании. Некоторые из его положений - такие, как потребность в принадлежности к группе, потребность в достижении желаемого, - получили достаточно надежное экспериментальное подтверждение. Но, вероятно, самым широко признанным и неоспоримым является вклад Г. Мюррея в разработку психодиагностического инструментария.

В середине 30-х годов XX века Г. Мюррей со своей коллегой (и супругой) К. Морган разработал концепцию апперцепции, основанную на

предположении, что мышление каждого человека формируется субъективными процессами. В результате ими был создан принципиально новый на тот момент психодиагностический инструмент – *Тематический апперцептивный тест (ТАТ)*. При этом термин «апперцепция» использовался ими для объяснения механизма проецирования фантазийных образов на объективный стимул. Стимульный материал ТАТ состоит из 30 картин в виде чёрно-белых рисунков, большая часть из которых изображает самых различных людей в бытовых ситуациях. Некоторые были нарисованы специально, на основе инструкций психологов.

В контексте применения ТАТ, испытуемому, кроме готовых картин, предъявляется также белый лист, на котором он может вызвать путём воображения любую картину, какую захочет. Из всей серии карт испытуемому обычно предъявляется последовательно 20, описания которых затем проходят интерпретацию. Таким образом, ТАТ и иные научно-практические разработки Г. Мюррея создают для психологического сообщества достаточно широкую базу, стимулирующую к разработке проективных тестов, построенных на анализе данных тематической апперцепции.

Анализируя конструктивные особенности ТАТ, мы (при создании методики СЛИР) заимствовали такой психодиагностический приём, как представление «сюжетно-ориентированных» изображений в целях стимулирования интеллектуальной активности респондентов в том или ином направлении. Также было важно отметить и взять на вооружение тот факт, что диагностическое исследование с помощью ТАТ может проводиться в два или три сеанса, разделённые одним или несколькими днями, в каждом из которых предъявляются последовательно в определённом порядке 10 рисунков. Вместе с тем, при проектировании методики СЛИР мы отказались от идеи полной неопределённости в динамике развития представленных сюжетов и ситуаций, так одна из задач, поставленная перед респондентами в данной методике предполагает совершение ими выборов на основании их, пусть субъективных, но достаточно осознанных установок, смыслов и жизненных принципов. Они должны сделать свои выборы на основании понятных инструкций и чётких критериев.

Анализ психодиагностических разработок С. Розенцвейга также позволил получить важные «подсказки» к конструктивным решениям при проектировании СЛИР. Как известно, к середине 40 годов прошлого века уже достаточно известный к тому времени исследователь С. Розенцвейг завершил разработку рисуночного теста, диагностирующего типы реакции на фruстрацию. По заявлению самого Розенцвейга созданная им методика является полу-проективной, так как предполагает математическую обработку

ответов респондента. Неоспоримым достоинством данной методики является то, что с её помощью стали выявляться ранее неизвестные типы реакции человека на фрустрирующие ситуации:

- *Первый тип*: «агрессия вовне», направленная на окружающих людей и предметы;
- *Второй тип*: «автоагрессия», направленная испытуемым на самого себя;
- *Третий тип*: агрессия, направленная в никуда, то есть, по сути, отрицающая наличие в ситуации «виновной персоны», то есть ответственной за фruстрацию респондента.

Согласно концепции С. Розенцвейга, в зависимости от того, какой ответ респондент станет выбирать на каждую фрустрирующую ситуацию, можно прогнозировать каким образом он будет реагировать в реальной ситуации, вызывающей фрустрацию. При этом он выделял три типа ситуаций-фрустраторов: «лишение» (privation), «потеря» (deprivation) и «конфликт», как столкновение двух волевых начал. Лишением была названа ситуация отсутствия средств для достижения цели (она может быть внешней по отношению к субъекту и внутренней). В качестве потери можно привести ситуацию утраты близкого человека, или дорогого предмета, а внутренней потерей можно назвать утрату силы или интеллекта. Конфликт порождает фрустрацию в случае абсолютно не прогнозируемой, агрессивной реакции на некие действия или слова человека.

Стимульный материал разработанного Розенцвейгом теста состоит из 24-х рисунков, представляющих каждого из персонажей в той или иной фрустрирующей ситуации. На каждом рисунке персонаж слева представлен во время произнесения слов, описывающих фрустрации другого индивида или его собственную. Персонаж справа имеет над собой пустой квадрат, в который испытуемый должен вписать свой ответ, свои слова. При этом черты и мимика персонажей были намерено устраниены из рисунка, чтобы создать испытуемым условия для произвольной идентификации с теми или иными эмоциями и реакциями. Ситуации, представленные в teste, его автор разделил на две основные группы:

- А) Ситуации препятствия «я» (эго-блокинговые);
- Б) Ситуации препятствия «сверх я» (суперэгоблокинговые).

Одной из важных заслуг С. Розенцвейга является создание такого стимульного материала, который позволяет каждому респонденту без труда идентифицироваться с одной из фигур, представленных на рисунке и соотнести свой ответ с теми или иными реалиями жизни. Кроме того, в рамках своей психодиагностической разработки он смог эффективно соединить методы количественной и качественной обработки получаемых данных, что

также было заимствовано нами при разработке алгоритма обработки данных в методике СЛИР.

Анализ конструктивных элементов теста Розенцвейга позволил нам заимствовать идею текстовых сообщений «от первого лица», позволяющих респондентам чётко понимать требуемые от них действия. Это даёт специалистам возможность получать более определённые данные об индивидуальных реакциях респондентов на различные ситуации. Вместе с тем, мы отказались от установления каких-либо строго определённых типов реакций на те или иные ситуации, как это было сделано в тесте Розенцвейга. При длительной фрустрации какой-либо значимой потребности современные люди часто успевают последовательно проявить все типы реакций. Поэтому, методика СЛИР была исходно направлена на установление одной из проблемных сфер, вызывающих кризис реадаптации у УБД для последующего освоения ими оптимальных стратегий поведения в этих сферах. И, вероятно, одним из важнейших отличий методики СЛИР от данного теста является открытое и сознательное использование механизма идентификации с героями сюжетов, представленных на картах.

Немецкий психолог Х. Хекхаузен в ходе своей научной деятельности продолжил методическую работу по стандартизации Тематического апперцептивного теста (ТАТ), что позже и позволило ему разработать оригинальный психодиагностический инструментарий. *В 60-е годы XX века* Хекхаузен не только внёс свои корректиды в процедуры проективной диагностики, но и апробировал ряд своих идей, разработав тематически ориентированную проективную методику, направленную на установление мотивации достижения.

В своих теоретических изысканиях Хекхаузен выводил мотивы достижения из феноменологического понимания волевого действия, что отразилось в его взгляде на связь силы мотивов и деятельности человека. В его понимании, личные мотивы деятельности человека в процессе его индивидуального развития обязательно трансформируются в относительно устойчивые оценочные диспозиции. Диспозиционная структура личности, согласно Хекхаузену, проявляется и через индивидуальную иерархию мотивов. При соединении актуальных возможностей и активирующих воздействий среды и возникают мотивы достижения. Выраженность и устойчивость этих мотивов можно определять, оценивая такие индивидуальные проявления как характер и сила личных устремлений. Таким же образом мотивы человека тесно связаны и с его профессиональными качествами, с его готовностью совершать те или иные действия (поступки) в различных ситуациях внутриорганизационного общения и взаимодействия.

В результате научно-практических разработок этот немецкий учёный представил в 1963 году собственную модель проективного теста - Мотивационный тест Хекхаузена (Heckhausen Thematic Apperception Test, HTAT), который является модификацией рассмотренного выше теста ТАТ, но весьма далёкой от оригинала. Стимульный материал, созданный Хекхаузеном для исследования мотивационного аспекта личности, состоит из шести оригинальных картинок, затрагивающих организационно-производственные темы. По каждой картинке требуется составить рассказ, детально отвечая на 4-ре вопросы: 1) что здесь происходит и кто эти люди? 2) как возникла эта ситуация, что произошло перед этим? 3) что думает каждый изображенный на картинке человек, чего они хотят? 4) что произойдет дальше, чем всё это закончится?

По результатам анализа рассказов испытуемых составляется общее заключение об особенностях их мотивации, о наличии и соотношении у них тех или иных мотивов деятельности. Обращается внимание на то, как количественно выражены и соотносятся мотивация достижения успеха и мотивация избегания неудач. Раскрывается сфера достижения. Описываются перспективы удовлетворения актуальных потребностей реципиентов и препятствия, которые стоят на пути их удовлетворения, причины блокировок потребностей, средства преодоления неуспеха. Раскрываются особенности связи мотивации достижения с другими потребностями личности.

В ходе конструктивного проектирования методики СЛИР из теста НТАТ нами были заимствованы такие эвристически важные моменты как: а) достаточно высокая сюжетная определённость изображаемых в тесте НТАТ ситуаций; б) отсутствие явно двусмысленных изображений, дающих самые широкий диапазон трактовок; в) наличие у изображённых героев чётко проявленных эмоций, подкреплённых соответствующими позами. Однако, при создании стимульных материалов к методике СЛИР мы отказались от чёрно-белой монохромности рисунков НТАТ, так как исходно искали пути создания относительно ярких изображений, оказывающих позитивное влияние на эмоциональную сферу УБД. Как показала последующая апробация карт, внесение в изображения около 5-ти «сдержанных» тонов, является фактором, предрасполагающим к более позитивному их восприятию образов и быстрому определению их смысла. Таким образом созданные впоследствии стимульные материалы позволяли УБД быстро идентифицироваться с чётко проявленными образами мужчин на картах, что, на наш взгляд, более экологично по отношению к человеку, переживающему кризис реадаптации.

Подводя итоги работы на данном этапе, особо отметим, что ключевой для методик ТАТ, НТАТ и рисуночного теста Розенцвейга диагностический механизм проекции был заменён в методике СЛИР более релевантным её назначению психологическим механизмом самоидентификации, включая социокультурную идентификацию. В данном ракурсе самоидентификация рассматривается как весьма значимое для развития личности устойчивое отождествление с какой-либо социальной группой и общностью (включая принятие её системы целей и ценностей) и как процесс самопостижения личности, потенциально способствующий коррекции отдельных компонентов «реального Я» или «идеального Я» человека.

Конечно, процесс идентификации человека с теми или иными значимыми для него лицами, образами или социальными группами, не исключает присутствия отдельных эпизодов проецирования его бессознательных представлений и ожиданий и т.п. Как показывают исследования представителей «клинико-психоанализа», даже в этом случае процесс идентификации может быть вполне полезным для развития личности. Но в случаях явной патологии личностного функционирования, как некий иррациональный деструктивный механизм может проявляться «проективная идентификация» (Эмос, 2021). Однако, чётко расставляя причины и следствия, следует признать: не проективная идентификация порождает патологию личностного развития, а искажения в развитии личности порождают деструктивные слияния проекции и идентификации.

В ракурсе нашей научной разработки, построенной на принципах системного подхода к пониманию становления психики и сознания, все проявления идентификации рассматриваются, с одной стороны, как отражения социокультурных процессов, а с другой - как адаптивные и когнитивные механизмы, выполняющие функции развития личности. В таком ракурсе психологический механизм идентификации воспринимается как вполне закономерный и естественный, также, как и возможность его применения в практической психологии и психодиагностике. И даже если в процесс идентификации примешиваются элементы проекции или интроекции (при которой человек неосознанно «впитывает» характеристики других людей и социальных групп), это является, скорее, фактором дополнительных возможностей, а не противопоказаний к его использованию в целях диагностики личностных установок и индивидуальных особенностей.

Следует заметить, что для УБД именно механизм идентификации является более важным и актуальным на стадии реадаптации к мирной жизни. В культуре народов России и во все эпохи идентификация выпол-

няла роль средства освоения позитивных образов и их передачи из поколения в поколение. Так, например, в прошлые века образцами для подражания служили былинные богатыри, а наше время герои ВОВ и герои СВО.

Иными словами, *при нормативном развитии личности всегда происходит более или менее осознанное её «уподобление» тем образам, которые являются «эталонными» в культуре*. По этой же причине в восточно-христианской духовной традиции и культурной сфере укоренилось понятие «преподобный». При этом человек может уделять внимание каждой детали, составляющей тот идеальный образ, с которым он себя отождествляет.

Как показывают данные ряда научных исследований, процесс ориентации на архетипические образы, заданные в образовательном пространстве или СМИ, остаётся важнейшим фактором личностного развития в любом возрасте. Встроенный в нашу психику механизм идентификации, позволяет нам оценивать меру нашего сходства с кем-либо. Идентификация с кем-либо повышает вероятность того, что демонстрируемое им поведение (прежде всего, про-социальное) будет принято и освоено. Чем больше сходства в личностных чертах, эмоциональных реакциях или ценностных ориентациях находит человек в наблюдаемом им «образе», тем больше вероятность того, что он усвоит и воспроизведёт его поведение (Бандура, 2000).

В аспекте разработки методики СЛИР особое значение имеет тот факт, что у УБД механизм идентификации проявляется не как слепое копирование внешности, жизненной позиции или поступков «идеализированного объекта», а как признание другого человека предельно близким «по духу», по образу мышления, по той жизненной ситуации, которую они пережили или переживают. Мы смогли учесть тот факт, что *для многих из них весьма характерна социокультурная идентификация, построенная по критерию оценки «свой» / «чужой»*, что является, по сути, одним из видов психологической защиты от субъективно воспринимаемой угрозы распада лучшей версии реального «Я» (как вариант: «Боевого Я»). Достаточно часто эта угроза возникает и нарастает на фоне кризиса реадаптации УБД к мирной гражданской жизни (Малюченко, 2023). По этой причине данная разработка может применяться и в групповом формате работы с УБД, при условии, если они уже участвуют в работе такой группы, и она прошла соответствующие стадии формирования доверительной атмосферы.

Таким образом, при разработке методики мы постарались конструктивно использовать предрасположенность ветеранов боевых действий к социокультурной идентификации с образами «своих людей», что проявляется в самых различных ситуациях.

1. 3. Разработка конструктивных элементов методики СЛИР

После анализа предшествующих разработок и выявления всех эвристически значимых для данной методики элементов, был начат этап разработки стимульного материала СЛИР. С учётом выше обозначенной специфики методики, все ранее отобранные конструктивные элементы и приёмы были не механически перенесены, а существенно адаптированы и творчески преобразованы под исходно поставленные задачи.

Этап разработки конструктивных элементов методики состоял, в основном, из тщательной проработки каждого изображения, включённого в стимульный материал. Следует особо отметить, что над его созданием длительное время трудилась проектная команда Ассоциации организаций по защите семьи (АОЗС), включающая:

- двух художников, имеющих опыт создания подобных сюжетных изображений в виде парных композиций;
- двух дизайнеров, имеющих опыт цифровой обработки и оформления, включая их доведение до формата цветной печати;
- трёх экспертов-консультантов, имеющих непосредственный опыт общения с УБД и членами их семей, включая руководителей проектной команды и автора концепции.

Командная работа по созданию допечатных образцов стимульного материала методики СЛИР сопровождалась сбором и анализом эмпирических данных, полученных от более чем двух сотен УБД, а также от специалистов и психологов (включая кадровых специалистов подразделений Росгвардии, специалистов региональных филиалов Государственного фонда поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества», ряда государственных учреждений и общественных организаций), которые в той или иной форме участвовали в комплексном сопровождении боевых ветеранов и членов их семей. Как показал сбор и анализ данных, их возвращение в мирную гражданскую жизнь (при всех возможных нюансах) протекает по достаточно похожим сюжетным линиям (сценариям). Изучив эти сюжеты, мы выделили из них те, которые, так или иначе, подпадают под понятие «кризис реадаптации». После этого проектная команда приступила к созданию допечатных изображений, получивших название «карты 1-го взвода», поскольку число карт (28) соответствует стандартному количеству бойцов мотострелкового взвода.

Конструктивные особенности и содержательная специфика карт 1-го взвода. Данные карты исходно проектировались как интуи-

тивно понятные боевым ветеранам художественные изображения, отражающие те или иные сложности, возникающие в период их реадаптации к мирной жизни. Согласно концепции, исходно заложенной в СЛИР, каждый ветеран должен иметь возможность отобрать из 27-ми карт (28-ая «чистая карта») те, которые в большей или меньшей степени отражают его личные сюжеты «возвращения на гражданку».

В каждой из карт от первого лица кратко излагается какой-либо событийный сюжет, типичный для поствоенной жизни боевых ветеранов. Этот сюжет подкрепляется двумя «картинками», условно выражаяющими два временных измерения – прошлое и настоящее. При этом отметим, что большая часть карт 1-го взвода имеет достаточно простую визуальную структуру, вызывающую ассоциации либо с плакатами военно-патриотической направленности, либо с изображениями социально-просветительского жанра. Как следствие, кратких пояснений со стороны специалиста бывает достаточно чтобы УБД без труда определяли динамику изображаемых событий и схватывали их смыслы, что выражается в их готовности давать комментарии к воспринимаемым образам и сюжетам.

Раскрывая психодиагностическое назначение карт 1-го взвода, следует отметить, что данные карты отражают ситуации, связанные с кризисом реадаптации и поделены на *три равных подгруппы по 9 карт*, соответствующие трём сферам отношений боевого ветерана: а) с его внутренним миром (психикой); б) с его ближайшим окружением, семьёй, роднёй, и в) с макросоциумом, т. е. обществом в целом. Таким образом, содержательная структура данных карт состоит из:

- **9 карт** (5, 7, 9, 13, 14, 18, 20, 24, 27 карты) - отражающих отношения боевого ветерана с его собственным «внутренним миром», включая его реакции на внезапно возникающие психоэмоциональные состояния и рuminации, вызванные последствиями боевых стрессов, контузий или психотравм от полученных в ходе боёв ранений иувечий;

- **9 карт** (1, 2, 3, 4, 6, 10, 12, 15, 25 карты) – отражающих возможные варианты отношений боевого ветерана с «макросоциумом», то есть его непосредственным окружением, включая прежде всего членов его семьи, его родных, а также самых близких друзей и коллег по работе;

- **9 карт** (8, 11, 16, 17, 19, 21, 22, 23, 26 карты) - отражающих возможные варианты отношений ветерана с «макросоциумом», включая служащих госструктур, сотрудников организаций, в которых он работал, работает или планирует работать, а также представителей различных социальных страт и общественных движений.

При этом в каждой из трёх указанных подгрупп имеются «связующие карты», которые в той или иной степени охватывают сразу две сферы отношений ветерана. Так, например, карты 4, 9, 12, 15, 27 - соединяют внутренний мир ветерана и его отношения с ближайшим окружением, а карты 7, 11, 13, 14, 19 - соединяют его внутренний мир и отношения, складывающиеся с макросоциумом.

Забегая вперёд (в результаты апробации), отметим: если УБД выбирает более трёх карт, принадлежащих одной из указанных сфер, это означает, что в данной сфере наблюдается критическое накопление проблем, то есть возникли предпосылки к кризису реадаптации.

Таким образом, разработка диагностических показателей, получаемых по результатам выборов карт 1-го взвода позволила нам выделить три уровня протекающего кризиса реадаптации у УБД:

- **кризис первого уровня**, возникающий при критическом накоплении проблем в одной из жизненных сфер боевого ветерана;

- **кризис второго уровня**, возникающий при критическом накоплении проблем в двух жизненных сферах боевого ветерана;

- **кризис третьего уровня**, то есть самый глубокий кризис, возникающий при критическом накоплении проблем сразу в трёх жизненных сферах боевого ветерана;

Даже если в ходе диагностики у УБД выявляется глубокий кризис, следует помнить, что при выборе верного подхода – любой кризис становится преодолим! Диагностические данные (получаемые на основе анализа содержания выбранных карт) позволяют определить «точки роста» или ресурсный потенциал в каждом из трёх кризисов реадаптации. Тщательно определяя и используя эти точки роста, мы можем добиваться быстрых и заметных сдвигов в жизненной ситуации боевого ветерана. В основе усилий специалиста и самого ветерана по достижению таких сдвигов содержится «стратегия малых побед».

Если же обнаруженный ресурсный потенциал будет примерно равным в каждой из трёх сфер, то предпочтительно начинать работу по преодолению кризиса с интрапсихической сферы - внутреннего мира.

Соответственно, на основании анализа психологического содержания и обсуждения выбираемых карт, специалист может делать заключение о том:

- *в какой из трёх указанных сфер находятся первопричины (или ключевые факторы) кризиса реадаптации, переживаемого боевым ветераном;*

- с какими чувствами и мыслями боевой ветеран переживает те или иные проблемы, каковы его установки определяющие эти переживания;
- в какой сфере отношений он видит для себя основные ресурсы, источники поддержки для того, чтобы справиться с кризисом; Иными словами, карты 1-го взвода позволяют составить целостную картину послевоенной жизни боевого ветерана, не пропустив существенные детали. Кроме того, карты выполняют функцию ускорения перехода к доверительному контакту. Карты также создают коммуникативные мости, если на первой консультативной встрече, психолог начинает испытывать нехватку навыков и средств для установления доверительного диалога с боевым ветераном. Только такой диалог позволяет обнаружить наиболее проблемные сферы в жизни ветерана.

Просмотр, выбор и обсуждение карт позволяют не только быстрее завязать беседу, но и получить более систематизированные и надёжные результаты. Так, например, внимательный анализ выбранных карт может выявить, что причиной адаптационного кризиса УБД являются внутристнические процессы и состояния, вызванные контузиями и боевыми стрессами. *В таком случае акцент должен быть сделан на организации адекватного лечения последствий боевых стрессов и/или психотравм, на овладении методами саморегуляции и привычками ЗОЖ.*

Однако причина кризиса реадаптации может быть совершенно иной: боевой ветеран, возвратившись домой живым и здоровым, сталкивается с нагромождением проблем, вызванных конфликтами между его ближайшими родственниками. При этом он волей-неволей переходит в роль прямого участника, а то и «виновника» постоянных ссор, причины которых скрыты в тонких манипуляциях со стороны кого-либо из его ближайшего окружения. *В этом случае психолог должен помочь ему научиться распознавать эти манипуляции и тактично, но оперативно их пресекать, то есть не поддаваться на скрытые провокации.*

Таким образом, применение данных карт снижает риск «пойти по ложному следу», упустив важные детали из макро или микро-социального контекста. Анализ выбора карт также позволяет заметить все те «мелочи», которые становятся ключами к решению самых больших проблем, возникающих в жизни ветерана. Однако, рассматривая содержательную специфику и назначение карт 1-го взвода, следует отметить, что они лишь способствуют выстраиванию предельно целостной и полной картины реадаптации УБД к мирной жизни, но не гарантируют этого, так как многое зависит от уровня профессиональной квалификации специалиста.

В процессе разработки стимульного материала, мы учитывали, что количество карт 1-го взвода, выбираемых боевым ветераном должно быть достаточным для отражения всех наиболее типичных жизненных условий и ситуаций взаимодействия, то есть его выборы данных карт, с высокой вероятностью будут отражать такие показатели как:

- a) готовность к обсуждению тех или иных личных аспектов и проблем, возникающих в ходе реадаптации;*
- б) характер объективных и субъективных трудностей, возникших у него после «возвращения с войны»;*

В ходе выбора и обсуждения карт выявляется и уровень когнитивной сложности восприятия боевым ветераном социальной среды и его внутреннего мира. Соответственно: *обработка результатов выборов карт 1-го взвода должна выполнять комплексную задачу*, включающую общую оценку проблем реадаптации, возникших после возвращения УБД в мирную жизнь и диагностику особенностей его самоидентификации и восприятия социальной реальности, что является вполне достаточным результатом для двух первых шагов согласно пошаговой инструкции к применению методики СЛИР. *Бланк для обработки выборов карт 1-го взвода представлен в Приложении 1.*

В заключении описания специфики карт 1-го взвода отметим, что уже в самом процессе их выбора, боевой ветеран часто сам начинает искать объяснение тем или иным выборам и раскрывать свои внутренние переживания, связанные с теми или иными картами и ситуациями. Как следствие он переключается в режим осознания не только своих выборов карт, но и жизненных выборов в целом. При этом психолог не должен просить испытуемого придумывать какие-либо «проективные истории» к тем картам, которые выбраны по двум причинам:

1) при проведении методики ставится задача установления социокультурных идентификаций УБД, а не выявления неких бессознательных компонентов их психики. Данные, полученные от боевых ветеранов в ходе пояснений ими своих выборов, как правило, бывают вполне достаточны для анализа информации об их внутренних установках, мотивах их поступков, образов их самоидентификации и проч.

2) данные получаемые от УБД требуются, прежде всего, для системного анализа того, что доступно непосредственной оперативной коррекции (включая образы самоидентификации и диспозиции). Какие-либо дополнительные сведения о том, что препятствует продуктивной реадаптации УБД вполне могут выявляться посредством открытых и наводящих вопросов со стороны психолога.

форм действий, так как внимательное наблюдение за развитием событий иногда является лучшим из действий. Скорее, это предполагает достаточную выдержку, наблюдательность и развитую способность прогнозировать ход событий. Однако, рано или поздно наступает момент, когда от нас требуется действовать незамедлительно и бескомпромиссно. Задача психолога состоит в том, чтобы помочь УБД научиться осознавать такие моменты. Иными словами, если жизненная ситуация развивается динамично, обостряя скрытые межличностные противоречия или внутренние конфликты, то человек должен быть готов быстро принимать решения и действовать активно.

5) Наличие морально-этических дилемм в принятии решения.

В некоторых, порой весьма сложных ситуациях, от нас требуются принять непростые решения, выбирая «из двух зол меньшую». Как правило, человеку сложно сделать свой выбор, когда он не видит «достойного выхода» из ситуации, достаточного количества альтернатив или же ему не понятно, какая из них приведет к нужному результату. Однако, не видеть альтернативные варианты решений – не значит не иметь их в принципе. В данном аспекте задача психолога состоит в том, чтобы помочь человеку выйти из субъективной ситуации «жёсткой дилеммы», перед которой он якобы поставлен. Во многих случаях для этого требуется мягко перевести его в режим продуктивной рефлексии или саморефлексии. Как известно, рефлексия позволяет нам размышлять о собственных мыслях, чувствах и действиях, способствует пониманию, почему мы поступили так или иначе, а саморефлексия - это более глубокая часть рефлексии, при которой мы начинаем глубже понимать свои мотивы, цели, ценности и чувства. В итоге человек приобретает возможность видеть большее количество вариантов выбора, не противоречащих его чувствам и ценностям.

6) Степень сложности прогноза развития ситуации.

Как показала апробация методики, трудности прогнозирования возможного развития ситуаций нередко возникают в тех случаях, когда человеку страшно или неприятно заглядывать на два шага вперёд. Подсознательно он уже знает, чем для него закончится та или иная ситуация (например, основанная на «сверхценных идеях») и потому его психика блокирует все прогнозы. При этом, как свидетельствуют данные экспериментальной психологии, у каждого человека в потенциале присутствуют и вполне могут быть развиты способности к антиципации (предвосхищению) последствий своих выборов и поступков. Однако, в ходе апробации методики СЛИР выяснилось, что на фоне перенесённых контузий и длительных бо-

евых стрессов у многих УБД наблюдается (вероятно временное) отсутствие способности к прогнозированию вероятных результатов своих действий. Как следствие, они часто испытывают затруднения с прогнозированием возникновения тех или иных ситуаций, их развития и вероятного исхода, что также выражается в непонимании эффектов, получаемых от применения тех или иных копинг-стратегий. В таких случаях задача специалиста-психолога заключается в том, чтобы при анализе сложных ситуаций мягко сподвигнуть боевого ветерана к простейшим процедурам антиципации, поэтапно усиливая его веру в свои интеллектуальные возможности и постепенно усложняя когнитивные задания.

7) Оценка самоэффективности в кризисных ситуациях. Как правило, оценивая свои возможности в разрешении той или иной сложной жизненной ситуации люди, во многом, опираются на субъективно определяемую самоэффективность. Введённое А. Бандурой понятие самоэффективности, означает веру человека в успешность совершаемых им действий. При этом его ожидания в отношении своих успехов в той или иной сфере деятельности могут быть как излишне завышены, так и чрезмерно занижены. Задача специалиста состоит в том, чтобы помочь УБД верно оценить свои возможности, опираясь на прошлые достижения и осознавая потенциальные возможности. При этом он должен опираться на их собственные суждения о наличии либо отсутствии у них соответствующих внутренних ресурсов.

Если в случае с высокой «субъективной значимостью ситуации» боевые ветераны могут переоценивать свои внутренние ресурсы или тратить их без оглядки на последствия, то в иных ситуациях мирной жизни они могут явно недооценивать свои возможности. Так, например, финансовые, правовые или профессиональные ресурсы, необходимые им для открытия собственного малого бизнеса, могут оцениваться как недостаточные. Однако, как показала апробация методики СЛИР, эта недооценка часто связана с прошлым опытом неудач или же с текущим состоянием здоровья. Как следствие, задача психолога состоит в том, чтобы помочь боевому ветерану верно оценить его самоэффективность в контексте решения какой-либо жизненной ситуации. Седьмой оценочный критерий, по сути, является интегрирующим в отношении 2-го, 3-го и 6-го критерия когнитивной оценки, а значит во многом определяет общий показатель реадаптивности в той или иной сфере отношений, что позволяет специалистам делать осторожные прогнозы на будущее.

Как показала апробация методики, при обсуждении выбранных карт 1-го и 2 –го взвода специалист может опираться на описанные выше

критерии, что позволяет ему мягко и поэтапно выводить боевых ветеранов в режим активной рефлексии. Через данные критерии также раскрываются схемы мышления, используемые УБД при оценке как жизненных ситуаций, так и предлагаемых копинг-стратегий. При этом, следует помнить, что общение психолога с УБД должно проходить легко и спонтанно, без конспектирования их мыслей и попыток создавать ауди записи сессий. В противном случае психолог утратит доверие.

Результаты апробации показали, что потенциал методики СЛИР ограничен лишь степенью профессионализма психолога и личностной зрелостью боевого ветерана. Её пошаговое применение может плавно стимулировать УБД к переходу в режим активной реконструкции субъективного восприятия всего социума и себя в социуме через анализ и коррекцию ранее усвоенных способов разрешения проблем и освоение новых путей преодоления возникающих проблемных ситуаций. В ходе применения методики неизбежно возрастает запрос УБД на перестройку их личностных диспозиций и стратегий адаптации к мирной жизни.

Общее заключение к главе 1

В первой главе изложен процесс концептуальной разработки, конструктивного проектирования и последующей первичной апробации методики СЛИР (БВ). Исходные задачи, поставленные разработчиками в начале этого процесса, потребовали длительных систематических командных усилий и серьёзных финансовых вложений. Тем не менее тщательная разработка теоретической концепции позволила выйти перейти от анализа образцов стимульных материалов к их креативному преобразованию в принципиально новые по своему формату конструктивные элементы.

Проектная команда, собранная под создание методики, в течение многих месяцев поэтапно разрабатывала стимульный материал. Сразу после получения pilotных вариантов карт 1-го и 2-го взвода, разработчиками был запущен процесс первичной апробации методики - в предельно экологичном формате, предполагающем позиционирование боевых ветеранов в качестве «экспертной группы».

Апробация карт 2-го взвода показала, что их применение позволяет проводить не только психодиагностику, но и коррекцию копинг-стратегий, выбираемых боевыми ветеранами. Они начинают видеть свои возможности по освоению и применению новых, ранее не используемых копинг-стратегий в тех или иных жизненных ситуациях. Специалист может поддерживать их рефлексию, сохраняя при этом полную свободу их

выбора и отмечая, что «*в этой методике не бывает плохих решений!*». Как следствие, при условии верного исполнения всех инструкций, специалист и боевой ветеран входят в режим конструктивного обсуждения и аprobации тех стратегий поведения, которые позволяют успешно преодолевать кризис реадаптации.

Подготовка стимульного материала и анализ результатов первичной аprobации методики осуществлялись в формате открытых командных дискуссий и экспертных оценок результатов, с учётом тех реакций, которые возникали у боевых ветеранов на предъявляемый им стимульный материал. Анализ данных, полученных на этапе аprobации, показал, что методика даёт специалистам возможность устанавливать прямое соответствие между количеством/содержанием и обсуждением выбираемых карт.

В процессе аprobации методики, разработчики получили системное представление о её возможностях и ограничениях в выявлении широты и глубины тех «внутренних» проблем, которые вызывают кризис реадаптации у УБД. Так, например, экспериментальное применение методики чётко показало диапазоны возможных выборов боевых ветеранов в зависимости от возникающих у них «внутренних» интрапсихических проблем или же «внешних» проблем, вызванных трудностями их социально-психологической реадаптации.

В ходе первичной аprobации методики были получены убедительные доказательства того, что выбор и обсуждение стимульных материалов (карт методики) может успешно проводиться как в индивидуальном, так и в групповом режиме, при условии, если ветераны боевых действий выступают в качестве представителей экспертной группы, а в самой группе сформирована достаточно доверительная атмосфера

Первичная аprobация завершилась разработкой пошаговой инструкции для специалистов, применяющих данную методику. Одним из важнейших условий успешного проведения всех пошаговых процедур методики является предварительное установление доверительного контакта с респондентом. Крайне важным является также чёткое и доходчивое разъяснение задач методики, отражённых в каждом из семи шагов инструкции для специалистов. Первичная аprobация методики показала, что большинство УБД воспринимает её проведение как достаточно интересный, неутомительный и вполне понятный им процесс.

Глава 2. СТРУКТУРА И ПОРЯДОК ПРИМЕНЕНИЯ СТИМУЛЬНОГО МАТЕРИАЛА МЕТОДИКИ

Введение в описание общей структуры методики

Общая структура методики отражает её комплексный характер. Как следствие, стимульный материал методики, условно разделяется на часть, ориентированную на диагностику и часть, позволяющую корректировать личностные изменения боевого ветерана в процессе реадаптации.

В ходе разработки стимульного материала методики, мы исходили из того, что каждый обученный специалист сможет достаточно успешно её применять. Обучение специалистов необходимо так как без него может быть раскрыто не более 30% от всего диагностического и коррекционного потенциала методики. Поверхностное восприятие методики не даёт ясное представление о ней как эффективном инструменте для поэтапной работы психолога с боевым ветераном, включающей диагностику и коррекцию его личностных диспозиций, копинг-стратегий и т.п.

Как уже было отмечено выше, методика предназначена, прежде всего, для оптимизации социально-психологической реадаптации боевых ветеранов к условиям мирной жизни. Наибольший эффект она имеет в первые 6-8 месяцев после возвращения человека из зоны боевых действий, то есть в период наиболее вероятного кризиса реадаптации.

Следует особо отметить, что карты методики не относятся к МАК, так как цель методики не в выявлении свободных ассоциаций, возникающих у реадаптантов, а в повышении осознанности их восприятия своей «ситуации возвращения» в мирную жизнь и расширении возможностей их влияния на жизненные события. Ключевая задача, реализуемая с помощью данной методики, заключается в последовательной коррекции тех или иных субъективных установок ветерана. Это позволяет ему успешно реинтегрировать в свою личность ранее полученный боевой опыт и преодолевать кризис реадаптации к мирной жизни, вызванный долгим пребыванием в зоне боевых действий, боевыми стрессами, утратой или разрывом привычных социальных связей.

На первом этапе работы с ветераном боевых действий специалист должен уметь доступно сообщать ему назначение методики и ответить на все возникающие вопросы. После этого он может предъявить боевому ветерану карты 1-го взвода и попросить его выбрать все те карты, которые прямо или косвенно отражают различные аспекты его личной жизненной ситуации, возникшей после возвращения к мирной жизни.

В результате выбора и детального обсуждения карт 1-го взвода должна возникнуть ёмкая картина социальной реадаптации ветерана. После детального рассмотрения всех совершённых выборов, боевому ветерану также предлагается внимательно рассмотреть и выбрать карты 2-го взвода. Специалист ненавязчиво помогает ему найти подходящие копинг-стратегии и проговорить все те мысли и чувства, которые связаны с осознанием совершаемых им выборов.

При необходимости, данная процедура может проводиться повторно и в расширенном формате консультирования, что позволяет специалисту отслеживать не только общую динамику процесса реадаптации, но и межличностных отношений боевого ветерана. В результате он начинает осознавать свои возможности и воспринимать себя как того, кто влияет на все события своей «мирной» жизни.

2.1. ОПИСАНИЕ КАРТ ПЕРВОГО ВЗВОДА (включая возможные обстоятельства и ситуации кризисной реадаптации)

№	Сообщение «от первого лица», отражающее актуальную ситуацию ветерана и психологическое содержание кризиса реадаптации	Примечание: возможные обстоятельства и ситуации, влияющие на выбор карты
1	<i>«Моё возвращение в мирную жизнь проходит на фоне эмоциональной отстранённости и непонимания моих близких. Однако, мои старые друзья и новые начальники видят во мне вполне адекватного и надёжного человека»</i>	Карта может быть выбрана боевым ветераном при явной нехватке доверительных контактов с его близкими, что может говорить о конфликте возникшем между его старыми семейными связями и профессиональными ценностями.
2	<i>«Моё возвращение в мирную жизнь протекает на фоне явного отверждения и постоянной критики со стороны супруги. Но в глазах моей матери, сестёр и братьев я настоящий герой»</i>	Карта может выбираться при наличии конфликта в брачной (любовной) паре, который отчасти компенсируется поддержкой со стороны «родовой системы» ветерана.

3	<p><i>«Моё возвращение в мирную жизнь проходит на фоне скрытого конфликта с бывшими партнёрами по бизнесу, которые странно ведут себя последнее время. Однако, мне уже помогли с работой новые друзья и родные»</i></p>	<p>Карта может быть выбрана ветераном в ситуации реального либо мнимого конфликта в его отношениях с бывшими коллегами, однако он частично компенсируется поддержкой родных и новых друзей.</p>
4	<p><i>«Моё возвращение в мирную жизнь протекает на фоне длительной, изнурительной адаптации к протезу ноги. Но, я чувствую полную поддержку со стороны моей семьи и медиков»</i></p>	<p>Карта может выбираться ветераном в обстоятельствах, вызвавших в нём глубокий личностный кризис, связанный с потерей конечностей. Но он протекает при поддержке близких людей.</p>
5	<p><i>«Моё возвращение в мирную жизнь омрачено чувством вины перед моими погибшими товарищами, т.к. не могу забыть их лица и голоса. При этом я понимаю, что сделал для них всё, что мог и оказываю посильную поддержку их близким»</i></p>	<p>Карта может быть выбрана ветераном под влиянием возникшего у него «синдрома выжившего», который он искренне пытается преодолеть своими действиями по оказанию поддержки родным и близким боевых друзей.</p>
6	<p><i>«Моё возвращение в мирную жизнь протекает на фоне непонимания и отстранённости со стороны любимой женщины. Но, я часто получаю знаки внимания со стороны других женщин, многие из которых явно моложе меня»</i></p>	<p>Карта может выбираться ветераном в ситуации кризиса отношений возникшего, вероятно, по вине обоих партнёров. Этот кризис протекает на фоне проявления к ветерану интереса со стороны других молодых женщин.</p>
7	<p><i>«Моё возвращение в мирную жизнь проходит на фоне чувства одиночества, т. к. не имею возможности часто общаться с моими боевыми братьями. При этом я вижу интерес к себе со стороны коллег по работе»</i></p>	<p>Карта может выбираться ветераном при дефиците контактов со значимыми другими («братьями по оружию»), который отчасти компенсируется эмоциональной поддержкой со стороны коллег по работе.</p>

8	<p><i>«Моё возвращение в мирную жизнь протекает на фоне частой нехватки финансов, так как выплаты за военную службу «кушили налево». Но мне уже не раз предлагали помочь и хорошую работу, чтобы изменить мою ситуацию к лучшему»</i></p>	<p>Карта может выбираться ветераном в ситуации явного финансового кризиса, вызванного его собственными ошибочными действиями. Однако он отчасти сглаживается поддержкой со стороны людей, проявляющих к нему доверие и интерес.</p>
9	<p><i>«Моё возвращение к мирной жизни протекает на фоне постоянной боли и невесёлых медицинских диагнозов. Однако, мои близкие и врачи свято верят, что я обязательно смогу поправить своё здоровье»</i></p>	<p>Карта может быть выбрана ветераном в ситуации глубокого кризиса, вызванного потерей здоровья, однако он отчасти сглаживается поддержкой со стороны близких людей и врачебного сообщества.</p>
10	<p><i>«Моё возвращение к мирной жизни было омрачено частыми конфликтами с моими повзрослевшими детьми! Но я уже смог применить пару дальних советов от специалистов и теперь знаю, что делать, чтоб отношения с детьми постепенно наладились»</i></p>	<p>Карта может быть выбрана ветераном при переживании семейного кризиса, вызванного явными разногласиями со взрослыми детьми, который он пытается разрешить при консультативной поддержке со стороны специалистов.</p>
11	<p><i>«Моё возвращение к мирной жизни проходит на фоне постоянного стресса, так как я остро чувствую отчуждение со стороны многих окружающих. Однако, я смог получить поддержку со стороны государства и уже строю свой бизнес»</i></p>	<p>Карта может быть выбрана ветераном на фоне личностного кризиса, вызванного его отчуждением от социума, который отчасти компенсируется поддержкой со стороны представителей государственных органов.</p>

12	<p><i>«Моё возвращение к мирной жизни омрачено тем, что я не могу заявлять с алкоголем и моя супруга теперь не живёт со мной. Но что важно: наши общие дети и её родные с удовольствием общаются со мной!»</i></p>	<p>Карта может выбираться ветераном в ситуации кризиса реадаптации, вызванного алкоголизмом и распадом семьи. Однако ветеран стремится частично сгладить его через сохранение тесных связей с детьми и роднёй.</p>
13	<p><i>«Моё возвращение в мирную жизнь омрачено частыми срывами настроения и мигренью после контузий, полученных в зоне боевых действий. Тем не менее, врачи уверяют меня, что сделают всё возможное, чтобы поправить моё здоровье»</i></p>	<p>Карта может выбираться ветераном на фоне переживания личностного кризиса, вызванного потерей психического здоровья, который имеет перспективу разрешения при лечении и моральной поддержке со стороны врачей.</p>
14	<p><i>«Моё возвращение к мирной жизни протекает на фоне постоянных воспоминаний и снов о пережитых боях, что порой вызывает во мне полный «раздрай». Однако пока мне удаётся держать свои чувства и эмоции под контролем, даже если много общаюсь с другими людьми»</i></p>	<p>Карта может быть выбрана ветераном при нарастающей угрозе полной утраты психоэмоциональной стабильности на фоне периодического возникновения флешбэков из его боевого прошлого, что отчасти ему удаётся сглаживать посредством волевого самоконтроля.</p>
15	<p><i>«Моё возвращение к мирной жизни сильно омрачено открытой изменённой со стороны любимой женщины. Но я смог пережить это без постоянных уходов в запой при поддержке своих друзей и родных»</i></p>	<p>Карта может выбираться при глубоком личностном кризисе, вызванном потерей доверия к любимой женщине, который он стремиться отчасти преодолеть конструктивными контактами с родными и друзьями.</p>

Заключение

В предстоящее десятилетие от представителей научно-психологического сообщества России потребуются активные поиски новых подходов к пониманию изменений, происходящих в сознании ветеранов боевых действий, после их возвращения в условия мирной гражданской жизни. Это вполне объяснимо, так как большая часть концепций и моделей в сфере социально-психологической реадаптации участников боевых действий была создана еще в XX веке зарубежными исследователями, что ставит вопрос об их релевантности новой исторической эпохе и российским культурным традициям. Иными словами, прежние концепции и модели, при всём внимании и уважении к ним, не могут быть скопированы и взяты ныне «на вооружение» в новых условиях по двум важнейшим причинам:

- многонациональная Россия обладает собственной, наполненной различными свершениями и трагичными событиями, историей, включая накопленные в XX веке, достаточно самобытные традиции реадаптации боевых ветеранов, аутентичный культурно-бытовой контекст их возвращения к мирной жизни, что в совокупности не позволяет нам «копировать» и переносить на нашу «почву» достаточно далёкие от нас традиции и модели социально-психологической реадаптации ветеранов войн;
- наиболее известные концепции и модели реадаптации боевых ветеранов, были разработаны исследователями и практиками США и Израиля – то есть стран, с которыми Россия ещё долгие годы будет находиться в достаточно сложных отношениях (если не в конфронтации), следовательно мы не сможем в ближайшее время иметь всю полноту информации о прямых и побочных эффектах практической реализации их научных разработок, включая сведения о тех проблемах, которые возникают у них в настоящее время, после выхода ведущих армий мира на принципиально новый уровень боевых действий, предполагающий неизвестные реакции психики, порождаемые новыми видами боевых стрессоров.

Таким образом, представителям современной российской науки (включая клиническую, военную, интегративную психологию и т.д.) в ближайшие годы предстоит решить такую важнейшую задачу как: разработка эффективной и релевантной нашим культурным традициям концепции (модели) социально-психологической реадаптации участников СВО. Данная концепция (модель) должна с одной стороны – обеспечивать понимание динамики психических изменений, возникающих у участников боевых действий в новых условиях ведения боевых действий, а с другой – опираться на проверен-

ные временем базовые теории и экспериментально обоснованные положения и учитывать соответствующих научно-практический опыт, накопленный в предшествующих поколениях.

Следует исходить из того, что почти каждый ветеран боевых действий, вне зависимости от степени его личностной зрелости и индивидуально-психологических факторов, возвращаясь в мирную жизнь, проходит процесс реадаптации, который заставляет его реалистично оценить произошедшие с ним трансформации, скорректировать планы своей личной и профессиональной жизни. И в этом процессе он может существенно реконструировать свою социальную и личностную идентичность в целях создания нового – более адаптивного образа «реального Я».

При этом в новый «образ Я» боевого ветерана должен быть интегрирован как опыт выживания в зоне боевых действий, так и опыт его побед над «внутренним хаосом». Специалист должен помочь ему найти и укрепить все приемлемые компоненты своего «прежнего Я», сформированного в «до-войenneй жизни». Такого рода реконструкция его личностной идентичности закономерно перерастает в реорганизацию ключевых аспектов его жизнедеятельности, что является важнейшим условием успешной адаптации к новым социальным ролям и новой «мирной» реальности. И если данный процесс проходит при сопровождении со стороны специально обученного применению методики СЛИР психолога, это позволяет гармонизировать сценарии его реадаптации и снизить вероятность возникновения разного рода ошибок и проблем в его жизни.

Применение методики позволяет осуществлять глубокий анализ и пошаговую трансформацию сложного «субстрата» из эмоций, чувств, воспоминаний и ощущений, который может долгое время «бродить» в психике ветеранов боевых действий. Без проработки данного «субстрата» невозможно интегрировать полученный опыт боевой жизни в общую структуру личности и социокультурную самоидентификацию.

Как следствие, применение данной комплексной методики требует от специалистов специальных знаний и навыков. Для овладения всем диагностическим и коррекционным потенциалом методики, им требуется пройти практико-ориентированный обучающий спецкурс. В противном случае, психологическая помощь, оказываемая УБД с применением методики СЛИР, не будет иметь достаточный коррекционный эффект, либо может ввести специалистов и самих боевых ветеранов в опасное заблуждение относительно актуально достигнутого ими уровня адаптированности к мирной жизни.

Вопросы для проверки полученных знаний

1. Назовите ключевые факторы, определяющие возникновение у УБД потребности в прохождении периода реадаптации?
2. В какие реинтеграционные процессы (контексты) можно эффективно встроить применение методики «СЛИР (БВ)?
3. Назовите внутриличностные факторы, оказывающие влияние на продуктивность сопровождения личностных изменений УБД ?
4. Опишите количественные характеристики, определяющие общую структуру и содержание стимульных материалов методики СЛИР (БВ)?
5. Перечислите те исследования отечественных и зарубежных учёных, которые составляют теоретико-методологический фундамент методики?
6. При каких условиях методика СЛИР может применяться в индивидуальном формате консультирования ветеранов боевых действий?
7. Назовите основные шаги в процессе применения методики СЛИР?
8. Какие индивидуальные характеристики УБД могут влиять на порядок применения стимульного материала методики?
9. Назовите основные функции и общее назначение «карт первого взвода» методики СЛИР?
10. Назовите основные функции и общее назначение «карт второго взвода» методики СЛИР?
11. Назовите факторы, определяющие особенности восприятия УБД визуальных образов, представленных на картах методики?
12. Назовите деструктивные стресс-факторы в зоне боевых действий, влияющие на поведение УБД в период реадаптации?
13. Назовите возможные коммуникативные барьеры, препятствующие пониманию назначения методики со стороны УБД?
14. Каким образом методика СЛИР может быть использована для восстановления «линий жизни» в процессе реадаптации УБД?
15. Может ли методика СЛИР эффективно применяться для установления доверительных контактов с УБД?
16. О чём необходимо помнить психологу для построения и сохранения конструктивного диалога с боевыми ветеранами?
17. Каковы признаки кризисных явлений в процессе реадаптации УБД?
18. При каких условиях применение методики позволяет перейти к глубокой, проработке эмоций, чувств и воспоминаний УБД?
19. При каких условиях возможно привлечение в процесс применения методики близких людей ветеранов боевых действий?
20. Что является показателем успешного применения методики СЛИР?

Список научных источников:

1. Абакумова И.В., Савченко Н.А. Профессиональные диспозиции как компонент личностного становления // Российский психологический журнал, М., 2008 том 5, № 1. с. 23-32.
2. Анцыферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психол. журн. 1994. Т. 15. № 1. С. 3-19.
3. Бандура А. Теория социального обучения// Перевод с англ. под ред. Чубарь Н. Н. Издательский дом: Евразия, 2000, 180 с.
4. Безрукова Н.Н. Когнитивно-семиотическая типология комментария: особенности интертекстуального типа комментария // Мир науки, культуры, образования, №4, (59) 2016, с. 251-254.
5. Битюцкая Е.В. Трудная жизненная ситуация: критерии когнитивного оценивания// Психологическая наука и образование, 2007. Том 12. № 4. с. 87–93.
6. Васильева А.В. Посттравматическое стрессовое расстройство в центре международных исследований: от «солдатского сердца» к МКБ-11. Журнал неврологии и психиатрии им С. Корсакова, 2022; 122 (10), с. 72 - 81.
7. Василюк, Ф.Е. Психология переживания [Текст] / Ф.Е. Василюк. – М.: МГУ, 1984. – 240с.
8. Кадыров Р. В., Венгер В. В. Комплексное посттравматическое стрессовое расстройство: современные подходы к определению понятия, этиологии, диагностика и психотерапия // Психолог. 2021. № 4.
9. Кааяни, А. Г. Поколение СВО – психологический актив созидания будущего России // Психологическая газета. 22.08.2024. URL: <https://psy.su/feed/12504.2.>;
10. Кааяни А. Г. Социально-психологическая реадаптация участников боевых действий // Психологическая газета, 05.09.23. <https://psy.su/feed/11588/>.
11. Кааяни А.Г., Кааяни Ю.М. Психологические последствия войны и социально-психологическая реадаптация участников боевых действий. //Вестник ЮУрГУ, Серия «Психология», 2014, Том 7, № 4. с. 59-65.
12. Крюкова Т.Л. Человек как субъект совладающего поведения // Под ред. А.Л. Журавлева, Т.Л. Крюковой и др. М.: Ин-т психологии РАН, 2008 С. 55-65.

13. Китаев-Смык Л. А. Стресс войны: фронтовые наблюдения врача-психолога / Министерство культуры РФ; Рос. институт культурологии. М., 2001. 80 с.
14. Колодзин Б. Как жить после психической травмы. М. : Шанс, 1992. 94 с.;
15. Кубасов Р.В. Влияние экстремальных факторов военной службы на адаптационные возможности и здоровье сотрудников силовых ведомств России / Р.В. Кубасов, Ю.Е. Барачевский, Е.Н. Сибилева, А.М. Иванов, В.А. Сидоренко // Вестник Российской военно-медицинской академии. 2015 № 2 (50). С. 217-223.
16. Леонтьев, Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е испр. изд. М.: Смысл, 2003. 487 с.
17. Литвинцев, С.В. Боевая психическая травма: руководство для врачей / С. В. Литвинцев, Е. В. Снедков, А. М. Резник. — Москва: Медицина, 2005. - 430 с.
18. Ломов, Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984. 5. 326 с.
19. Малюченко, Г. Н. Проблемы и пути комплексной проработки последствий боевого стресса и боевых травм // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. 2023. Т. 23, вып. 4. с. 438-444.
20. Малюченко, Г. Н. Влияние технических инноваций на боевые стрессы и психические реакции участников СВО // Российский военно-психологический журнал. – 2024. – № 4(6). – с. 36-43.
21. Масляков, В.В. Динамика эмоционального состояния участников специальной военной операции после оказанной медико-психологической помощи в условиях вооруженного конфликта / В.В. Масляков, М.А. Полиданов, С.А. Сидельников, А.А. Кокарева // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2023. – Т. 12, № 9А. – С. 81-89.
22. Нартова-Бочавер, С. К. «Coping behavior» в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. 1997. Т.18. № 5. с. 20-30.
23. Норакидзе, В.Г. Методы исследования характера личности. Академия наук Грузинской ССР. Институт Психологии имени Д. И. Узнадзе. Тбилиси: Мецниереба. 1989 г. – 312 с.
24. Олпорт Г. В. Становление личности. Избранные труды. Серия «Живая классика». М.; Смысл; 2002. 934 с.

25. Рассказова Е.И. Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции: психометрические характеристики и возможности применения методики COPE / Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2013. – № 1. – С. 82-118.
26. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд. - М.: ЦСПиМ, 2013. — 376 с.
27. Сукиасян С.Г. «О некоторых аспектах динамики посттравматических стрессовых расстройств у участников боевых действий» Журнал «Социальная и клиническая психиатрия», 2009, XIX т, №1, с. 12-18.
28. Тарабрина Н.В. Экспериментально-психологическая методика изучения фрустрационных реакций: Методические рекомендации. Л.: Ленингр. н.-и. психоневрол. ин-т, 1984. 23 с.
29. Тарабрина Н.В. Методика изучения фрустрационных реакций (PictureFrustration Study, S. Rosenzweig) // Иностранный психолог. 1994. Т. 2. № 2(4). С. 68—77.
30. Тарабрина Н.В. Психологические последствия воздействия стрессоров высокой интенсивности: посттравматический стресс // Психологический журнал. 2012 Т. 33, № 6 С. 20–33.
31. Тест Розенцвейга. Методика рисуночной фрустрации (модификация Н.В. Тарабриной) // Диагностика эмоционально-нравственного развития // Ред. и сост. Дерманова И.Б. СПб: Речь, 2002. 171 с.
32. Узгадзе Д. Н. / Пер. с грузинского Е. Ш. Чомахидзе; Под ред. И. В. Имададзе. — М.: Смысл; СПб.: Питер, 2004. — 413 с.
33. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. — 2-е изд. — СПб.: Питер; М.: Смысл, 2003 г. - 860 с.
34. Хекхаузен Х., Личностные и ситуационные подходы к объяснению поведения // Психология социальных ситуаций. Хрестоматия. / Сост. и общая редакция Н. В. Гришиной. - СПб. : Питер, 2001. С. 58-91.
35. Э. Эмос. Идентификация и патологическая идентификация: влияние на развитие идентичности // Журнал клинического и прикладного психоанализа. Том II. № 2 2021. С. 41 - 56.
36. Lazarus R.S., Folkman S. Stress, appraisal and coping. // New York: Springer Pub. Co., 1984. - 445 p.
37. Simon N. Associations between perceived social support, posttraumatic stress disorder (PTSD) and complex PTSD (CPTSD): implications for treatment // European Journal of Psychotraumatology. – 10 (1):1573129. – 2019. – 1-10 p.

Приложение 1

Бланк для обработки выборов карт 1-го взвода

Код отвечающего _____

Дата обследования _____

Сфера реад-ции	№ карт	№	№	№	№	№	№	№	№	Число выборов
Интра-психич-я	5	7	9	13	14	18	20	24	27	итого
Микро-социум	1	2	3	4	6	10	12	15	25	итого
Макро-социум	8	11	16	17	19	21	22	23	26	итого

Интерпретация выборов карт:

Процедура интерпретации включает два этапа. **Первый этап:** определение числа выборов карт, связанных с каждой из трёх сфер реадаптации и соотношения значения указанных выше сфер для испытуемого по количеству выбранных им карт.

- Выбрано не более 2 карт, вне зависимости от сферы реадаптации, к которой они относятся: это заниженное число выборов карт, что, как правило, свидетельствует об отсутствии доверия боевого ветерана к специалисту, либо о его полной демотивации в решении проблем, связанных с реадаптацией к мирной жизни (что встречается крайне редко);
- Выбрано от 3 до 9 карт, при этом не более 3 – х карт – в любой из трёх сфер реадаптации: стандартный диапазон выборов при относительно благоприятном - «нормативном» протекании реадаптации. Свидетельствует о том, что ни в одной из сфер реадаптации процесс не вышел из-под контроля, т.е. при некотором, вполне допустимом дискомфорте, реадаптация, в целом, протекает по предсказуемому сценарию;

- Выбрано от 4 до 10 карт, при этом 4-ре (или более) карты относятся только к одной из трёх сфер реадаптации: данный диапазон выборов и соотношение выбранных карт свидетельствуют о *кризисе первого уровня*, возникающем при критическом накоплении проблем в одной из жизненных сфер боевого ветерана;
- Выбрано от 8 до 12 карт, при этом одновременно в двух сферах выбирается 4-ре или более карт: данный диапазон выборов и соотношение выбранных карт указывают на наступление *кризиса второго уровня*, возникающем в жизни боевого ветерана при критическом накоплении проблем одновременно в двух сферах реадаптации;
- Выбрано 12 и более карт, при этом к каждой из трёх сфер, относятся не менее 4-х карт: данный диапазон выборов означает вхождение в *кризис третьего уровня* - глубокий социально-психологический кризис, возникающий в жизни боевого ветерана при критическом накоплении проблем сразу в трёх сферах реадаптации.

Второй этап интерпретации: установление показателей выраженности проблем по числу выбранных карт в каждой сфере реадаптации:

В сфере интрапсихических процессов и состояний: выбрано 4-5 карт – показатель нарастания напряжения и бессознательных «внутренних конфликтов» в данной сфере; выбрано 6-7 карт – требуется выявление и проработка таких проявлений как «синдром выжившего», неустойчивая самоидентификация по типу «герой/убийца»; выбрано 8-9 карт – требуется обращение к клиническим психологам и т.д.

В сфере «микросоциум»: выбрано 4-5 карт – признак проблем в отношениях с ближайшим окружением; выбрано 6-7 карт – свидетельство частых искажений повседневных коммуникаций и нарушенных интеракций с близкими и родными; выбрано 8-9 карт – хронические проблемы в сфере взаимоотношений с родными и близкими, интеракции с ними деструктивны и ведут к непредсказуемым последствиям. Как следствие, требуется семейная психотерапия или проработка таких защитных механизмов как: проекция, компульсивное поведение, замещение, рационализация и т.п.

В сфере «макросоциум»: выбрано 4-5 карт – признак нарастания отчуждения в отношении отдельных госструктур, органов социальной защиты и пр.; выбрано 6-7 карт – показатель активного неприятия действующих в обществе законов, этики мирной жизни, что требует мягкой когнитивной коррекции; выбрано 8-9 карт – показатель перерастания кризиса в протестное поведение на рабочем месте, в какую - либо социально-политическую активность и т.п. При этом на фоне протестной деятельности или социальной активности, интрапсихические состояния и процессы «уходят на второй план», перестают беспокоить, что вызывает эффект «вторичной выгоды».

Приложение 2

Бланк обработки выборов карт 2-го взвода

Код отвечающего_____

Дата обследования_____

№ карт	Первичное принятие / отвержение	Соотнесение с картой 1-го взвода (№)	Вторичное принятие / отвержение	Попытки аprobации/ внедрения	Освоение (низк, сред, высок.)
1					
2					
3					
4					
5					
6					
7					
8					
9					
10					
11					
12					
13					
14					
15					
16					
17					
18					
19					

№ карт	Первичное принятие / отвержение	Соотнесение с картой 1-го взвода	Вторичное принятие / отвержение	Попытки апробации/ внедрения	Освоение (низк, сред, высок.)
20					
21					
22					
23					
24					
25					
26					
27					
28					
итог					

Оценка диспозиций принятия/отвержения новых стратегий поведения:

- 1) **диспозиция активного отвержения** «новых» копинг-стратегий, выраженная в форме их обесценивания априори, то есть без рассмотрения каких - либо доказательств, аргументов «за» и «против». Проявляется в тех случаях, когда такого рода отвержение охватывает более 75 % от общего числа карт 2-го взвода (т.е. не менее 22 карт);
- 2) **диспозиция избирательного отношения** к «новым» для боевого ветерана копинг - стратегиям. Проявляется в виде избирательного отвержения около 50 % карт 2-го взвода, наряду с иррациональным, отчасти объяснимым принятием других карт (**14+3** карт 2-го взвода). Одна часть копинг-стратегий оценивается скептически, другая - как заслуживающая внимание в виду возможных позитивных результатов их применения. Это **наиболее типичная для боевых ветеранов диспозиция**, вызванная их общей настороженностью к различным «атрибутам» мирной жизни;
- 3) **диспозиция активного принятия** новых копинг-стратегий, выраженная в готовности их внимательно изучать, апробировать «на себе» и осваивать, даже при некоторых затруднениях. Проявляется при позитивном оценивании и освоении не менее 75 % карт 2-го взвода.